

Памятные даты

К 100-летию Бориса Федоровича Поршнева

Олег Вите

«Я – СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

*Книга «О начале человеческой истории»
и ее место в творческой биографии
Б.Ф. Поршнева**

V. Углубление и расширение декартовой пропасти

Конструктивный
этап работы

В первой половине 1960-х годов начинается третий этап работы Б.Ф. Поршнева по своей основной специальности — этап подготовки и публикации исследований, относящихся преимущественно к конструктивному направлению, уже с использованием результатов, полученных в новых областях — в изучении троплодитов и в социальной психологии.

Отсутствие круга
единомышленников

Итоги первого, деструктивного, этапа в одном отношении оказались решительно неудачными: Б.Ф. Поршневу так и не удалось сформировать даже небольшую группу единомышленников. Справедливости ради надо сказать, что и задача была предельно сложной. Группа единомышленников, способная представлять новую научную школу, возглавляемую Б.Ф. Поршневым, с самого начала должна быть междисциплинарной и даже «мультидисциплинарной». Чтобы войти в такую группу, от специалиста в некоей области знаний требовалось не только признать правоту Б.Ф. Поршнева в этой своей области, но и осмелиться под руководством последнего вторгнуться в другие области знаний, в которых этого

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2006. №2. С. 196–215; №3. С. 200–235; №4. С. 191–219; 2007. №1. С. 180–192; №2. С. 204–225.

специалиста никто не ждал, причем вторгнуться сразу со своей (точнее, поршневной) особой позицией...

Сформировалась лишь более или менее широкая группа «частичных единомышленников»: специалисты в некоторых областях науки поддерживали Б.Ф. Поршнева, но исключительно в рамках этих своих областей науки, других областей «поршневной науки» они старались вообще не касаться, предпочитая даже не знать о них, либо открыто демонстрировали свое несогласие с Б.Ф. Поршневым. Да и таких условных единомышленников набралось бы тогда среди специалистов по всем наукам от силы два-три десятка.

Но количество – не главная проблема сложившегося в 1960-е годы круга сторонников Б.Ф. Поршнева. «Частичность» их поддержки имела своим прямым следствием почти полное незнание отдельных «подгрупп» сторонников – специалистов в определенной науке – с другими аналогичными «подгруппами», а нередко и категорическое нежелание заводить подобные сомнительные знакомства. Пока речь идет исключительно о науках, имеющих прямое (привычное) отношение к проблеме происхождения человека. А ведь еще существовали поршневские интересы в сфере истории и теории исторического процесса, политической экономии, политологии, социологии и философии, теснейшим образом связанные к той же фундаментальной проблеме...

Поиск компромиссов и уступки

Такое положение вынуждало Б.Ф. Поршнева маневрировать, идти на компромиссы. Так, далеко не все, признававшие существование «снежного человека», были согласны считать это животное реликтовым пережитком ближайшего предка человека. Чтобы не сужать и без того не слишком широкий круг союзников, Б.Ф. Поршнева идет на уступки: в названии своей монографии он использует обобщенный и нейтральный термин «реликтовый гоминоид», а не «реликтовый палеоантроп» или «реликтовый неандерталец», что, безусловно, более точно передавало бы авторскую позицию: *«Я не хотел бы все-таки считать вопрос об идентификации “снежного человека” с палеоантропом (неандертальцем) решенным вопросом... Слишком еще много нового и неизвестного во всей этой проблеме. К тому же отнюдь не своевременно было бы нейтрализовать общность многих наших аргументов со сторонниками “антропоидной” версии. Мы являемся научными союзниками против всех, кто отрицает самую реальность “снежного человека”»* [1].

«Было много учеников, но почти не было последователей»

Когда-то о научной судьбе выдающегося австрийского экономиста и социолога Й. Шумпетера было сказано: «...у Шумпетера было много учеников, но почти не было последователей» [2]. К Б.Ф. Поршневу эта формула, быть может, применима больше, чем к кому бы то ни было.

Смена круга «частичных единомышленников»

Третий (конструктивный) этап работы Б.Ф. Поршнева по своей основной специальности уже почти полностью исключал из числа даже частичных его союзников антропологов и биологов, сохранил историков и философов, а также добавил психологов и этнографов. Описанная структура круга «частичных единомышленников» Б.Ф. Поршнева, окончательно сформировавшаяся в начале 1960-х годов, с тех пор уже не менялась. Хорошей иллюстрацией сложившегося положения является сводка советских научных и политических периодических изданий, предоставлявших с 1955 года свои страницы Б.Ф. Поршневу по темам, связанным с антропогенезом: «Вопросы истории» и другие исторические журналы – 4 (1958, 1958, 1963, 1965); «Советская этнография», «Краткие сообщения Института этнографии» – 3 (1955, 1955, 1969); «Вопросы философии» – 3 (1955, 1962, 1966); «Коммунист», «Политическое самобразование» – 3 (1955, 1963, 1968); «Вопросы психологии» – 2 (1964, 1968); «Доклады АН СССР» – 2 (1969, 1971); «Советская антропология» – 1 (1957).

В приведенной сводке только появление Б.Ф. Поршнева в «Докладах АН СССР» требует пояснения, тем более, что оба поршневские «доклада» представлены в издании по специальности «зоология». Выходит, были среди частичных сторонников Б.Ф. Поршнева и отдельные видные «отщепенцы» из биологов. Но об этом — позже.

Две линии деятельности: частные аспекты и обобщающие работы

В рамках рассматриваемого третьего этапа можно выделить две параллельные линии: работы, посвященные исключительно отдельным аспектам изучения начала истории, и обобщающие работы. В течение трех лет одна за другой выходят работы по более или менее узким, специальным темам: тезисы доклада «Неадекватные рефлексy» (1963) на II съезде Общества психологов и автореферат доклада «Неадекватные рефлексy и их значение в эволюции высших животных» (1965) на секции антропологии Московского общества испытателей природы (МОИП); доклады-статьи «Речеподражание (эхолалия) как ступень формирования второй сигнальной системы» (1964) и «Генетическая природа сознания (интердиктивная функция речи)» (1966). Все эти

работы фактически являются исполнением «технического задания», презентация которого состоялась в 1956 году.

Пожалуй, самой «широкой» по своему предмету публикацией было выступление по физиологии – «Вопросы высшей нервной деятельности и антропогенез»* (1963). Это выступление, очевидно, было обеспечено поддержкой философов: Б.Ф. Поршнев участвовал в работе Всесоюзного совещания по философским вопросам высшей нервной деятельности и психологии, проведенного АН СССР, Академией медицинских наук (АМН) СССР, Академией педагогических наук (АПН) РСФСР и Министерствами высшего и среднего образования СССР и РСФСР. Совещание состоялось летом 1962 года, т.е. вскоре после доклада о «Состоянии пограничных проблем...». Участие в этом совещании было для Б.Ф. Поршнева определенным «прощупыванием ситуации» в области наиболее общих проблем физиологии, на совещании он впервые называет имя А.А. Ухтомского, хотя, как уже говорилось, идея тормозной доминанты, опирающаяся на работы А.А. Ухтомского, была сформулирована Б.Ф. Поршневым еще летом 1945 года. К значению этого совещания в следующем разделе еще предстоит вернуться.

Сближение с психологами

Сблизившись к этому времени с психологами, Б.Ф. Поршнев становится членом Общества психологов при АПН РСФСР**. Из всех съездов общества психологов, состоявшихся при жизни Б.Ф. Поршнева, он не участвовал только в работе первого съезда (1959). На II съезде (1963) Б.Ф. Поршнев выступает с докладом «Неадекватные рефлексy»; на III съезде (1968) – с докладом «“Они” и “мы” как конститутивный признак психической общности»; на IV (1971) – «Проблемы палеопсихологии».

За исключением двух кратких сообщений по теме неадекватных рефлексов, а также выступления по физиологии высшей нервной деятельности, все остальные из названных работ 1963–1966 годов имеют прямое отношение к психологии. Они представляют собой доклады на различных форумах психологов, опубликованные затем в более или менее развернутом виде. Неадек-

* В опубликованном виде выступление не имеет названия; Б.Ф. Поршнев дал ему приведенное название в библиографии в конце своей брошюры «От высших животных...». См.: [3].

** Существовала в 1943–1966 гг. В 1966 г. была преобразована в АПН СССР. С 1991 г. – Российская академия образования (РАО).

ватные рефлексы относились к другой епархии – к физиологии высшей нервной деятельности, созданной И.П. Павловым в начале XX века как раз в противовес психологии*. При такой истории отношений, психологи, естественно, были не склонны поддерживать «экспансионистские поползновения» историка Б.Ф. Поршнева ценой неизбежной конфронтации с последователями И.П. Павлова. А в среде академической биологии, зоологии, физиологии Б.Ф. Поршнева, в лучшем случае, игнорировали: нет диплома — не о чем и разговаривать! В результате ни одной более или менее полной работы по теме неадекватных рефлексов так и не было опубликовано. А намерения, несомненно, были: сохранилась рукопись Б.Ф. Поршнева, подготовленная в 1963 или в 1964 году – «Неадекватные рефлекс у животных и принцип доминанты (краткий конспект статьи)» [5]. Неоконченная рукопись «Генетическая логика», написанная им, скорее всего, в 1965 году, также подтверждает эти намерения: «Автор этих строк начал публиковать серию сообщений (1963, 1964**) о биологической и физиологической природе этих неадекватных рефлексов, которым склонен придавать очень обобщенное и важное значение» [6].

«От высших животных – к человеку»

В 1964 году Б.Ф. Поршневу предпринимает попытку опубликовать обобщающую работу о происхождении человека: брошюру «От высших животных — к человеку». По охвату проблем эта работа более полная, чем доклад-презентация 1956 года: в брошюре включены основные результаты поршневских исследований по всем аспектам начала человеческой истории, в том числе и по темам, которые не были затронуты в докладе-презентации, – появление огня, опровержение гипотезы об охоте, проблемы человеческого труда и общества. Более того, эта брошюра стала первой попыткой интегрировать свои исследования в «традиционных» областях с исследованиями, начатыми в двух новых областях – в изучении троглодитов и социальной психологии. В библиографии к брошюре приведены важнейшие

* Выступая на Международном медицинском конгрессе в Мадриде в апреле 1903 года, И.П. Павлов противопоставил свои «объективные», т.е. физиологические методы исследований, которые и привели его к открытию условных рефлексов, «субъективным», т.е. психологическим методам. См.: [4]. Начиная, примерно, с 1913 года И.П. Павлов называет свое научное направление «объективным изучением высшей нервной деятельности».

** Очевидно, речь идет о докладе, прочитанном на секции антропологии Московского общества испытателей природы 16 марта 1964 года, автореферат которого были опубликованы в 1965 году.

поршневатские статьи и книги по этим темам по состоянию на 1964 год. Кроме того, брошюра включает главу 6 «Расселение и расы людей», раскрывающую тему, которая не вошла в книгу «О начале...»; материал этой главы позже будет использован в книге «Социальная психология...».

Неудавшаяся попытка обратиться к массовому читателю

Б.Ф. Поршневат предлагает результаты своих исследований в виде научно-популярной брошюры. Таким путем он намерен «перехитрить» академическую науку и сразу обратиться к массовому читателю, минуя ступень специальных статей и монографий. В 1964 году он пишет заявку в издательство «Знание», но получает отказ. Приложил руку к этому, похоже, известный советский антрополог и приматолог М.Ф. Нестурха (1895–1979): издательство вернуло Б.Ф. Поршневату рукопись вместе с отрицательной рецензией последнего. Через четыре года, вспоминая редких специалистов, хотя бы отчасти поддержавших его исследования троглодитов, Б.Ф. Поршневат писал: «Как не назвать здесь еще и метавшегося между льдом и пламенем, то остерегающегося, то увлеченного М.Ф. Нестурха» [7].

Если «пламенем» считать соавторство М.Ф. Нестурха с Б.Ф. Поршневатым в заметке «Кисть неизвестного высшего примата», упоминавшейся выше, то «льдом» придется назвать рецензию М.Ф. Нестурха на рукопись поршневатской брошюры. В рецензии он решительно пресекает поршневатскую попытку «перехитрить» академическую науку: «В рукописи проводится... идея о переживании неандертальцев (“человеко-зверей”) в настоящее время кое-где в мало исследованных областях Азии, что довольно слабо аргументировано и фактами еще не подтверждено... Подобные моменты вряд ли следовало бы помещать в рукопись для самого широкого читателя, который в доступной форме должен получить скорее более или менее общепринятое у нас представление о ходе антропогенеза и его факторах, чем... индивидуальное освещение и особую его трактовку» [8].

В следующем (1965) году Б.Ф. Поршневат подает такую же заявку в издательство «Молодая гвардия». Вероятно, Б.Ф. Поршневат рассчитывал, что издательство, годом ранее выпустившее его книгу «Мелье», решится издать и брошюру «От высших животных — к человеку». Не решилось. Еще через три года тем же результатом закончится и упомянутая выше попытка издать в «Молодой гвардии» повесть «Борьба за троглодитов»...

«Возможна ли научная революция в приматологии?»

В 1966 году Б.Ф. Поршневат публикует еще более короткий текст, суммирующий его представления о про-

исхождении человека, правда, с исключением социально-психологической проблематики. Через два года он напишет: *«Сжав до предела, я изложил выношенный долгими годами новый взгляд на некоторые коренные вопросы происхождения человека. Статья, озаглавленная как вызов на дуэль – “Возможна ли сейчас научная революция в приматологии?” – появилась в журнале “Вопросы философии”. С редакцией мы решили печатать ее в отделе дискуссий: двойной картель. Отныне антропологи обязаны вступить в серьезный спор»* [9].

История появления этой статьи, далеко не такая простая, как может показаться из слов Б.Ф. Поршнева, – наглядный пример извилистого пути многих его работ от замысла до выхода в свет. Хронологическая сторона подготовки статьи такова.

«Суть инакомыслия в антропологии»

В начале 1963 года Б.Ф. Поршневу, как выше было сказано, удастся депонировать рукопись книги «Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах» в ВИНТИ. Последнее обстоятельство позволяло, вообще говоря, получить ее любому желающему в любое время и без каких-либо ограничений: достаточно было направить по почте заявку в ВИНТИ и последний высылал на указанный адрес запрошенное количество экземпляров наложенным платежом*. Можно предположить, что стремясь сделать фактически доступную книгу более известной читателю, Б.Ф. Поршнев пишет в 1964 году статью «Суть инакомыслия в антропологии» [10], в которой помещает тему «снежного человека» в контекст фундаментальных проблем антропогенеза. Именно в этой статье Б.Ф. Поршнев впервые обращается к проблеме «недостающего звена», стоявшей в 60-е годы XIX века в центре дискуссий о приложении теории Ч. Дарвина к проблеме происхождения человека.

Статья не была опубликована. В августе того же года Б.Ф. Поршнев принимает участие в VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. На симпозиуме «Проблемы грани между животным и человеком» Б.Ф. Поршнев выступает с сообщением, в котором кратко излагает важнейшие положения неопубликованной статьи (добавляя к этим положениям и нечто новое). Впрочем, нельзя исключить, что статья «Суть инакомыслия...» и была написана в расчете на участие в предстоящем Международном конгрессе.

* В 1982 г. именно таким путем получил книгу и автор этих строк.

Обращение к логике, философии и методологии науки

После Конгресса, в конце 1964 или в самом начале 1965 года Б.Ф. Поршнев берет за новую тему — «Генетическая логика». К этой работе ниже еще предстоит вернуться; пока важно лишь одно обобщение, которое в ней формулирует Б.Ф. Поршнев: с логической точки зрения между условно-рефлекторной деятельностью животных и логическим мышлением человека лежит особый промежуточный уровень. Такое обобщение заставляет Б.Ф. Поршнева оставить начатую рукопись и обратиться к специальной литературе по логике, по философии и методологии науки. Работы логиков, решительно не интересовавшихся филогенетическими аспектами своего предмета, разочаровали Б.Ф. Поршнева. Напротив, в литературе по философии и методологии науки он обнаружил кое-что интересное. Вероятно, уже в конце 1964 или в начале 1965 года Б.Ф. Поршнев знакомится с книгой Т. Куна «Структура научных революций» [11], а также со статьями академика А.Н. Колмогорова [12]. Статьи последнего прямо подтверждают поршневскую идею «промежуточного уровня» с точки зрения кибернетики, и, вероятно, в 1965 году Б.Ф. Поршнев пишет упоминавшуюся работу «Промежуточные уровни между условно-рефлекторной деятельностью животных и высшими мыслительными функциями человека (тезисы фиксированного выступления)*», в которой он привлекает внимание антропологов к размышлениям А.Н. Колмогорова.

Именно теперь, после «тезисов фиксированного выступления» Б.Ф. Поршнев начинает непосредственную работу над статьей для «Вопросов философии». Взяв за основу «Суть инакомыслия...», он делает ряд существенных добавлений, исправлений и незначительных сокращений, решительно меняя последовательность подачи материала: исходным пунктом Б.Ф. Поршнев ставит уже тему куновской «научной революции», а также тему «промежуточных уровней» (со ссылкой на А.Н. Колмогорова); тема же «снежного человека» отодвигается на второй план — в качестве важного аспекта проблемы «недостающего звена»**. В новом варианте статья обретает и новое название — «Возможна ли сейчас научная революция в антропологии»; слово «инакомыслие» исчезает из названия, но еще сохраняется внутри текста.

* Для какого именно выступления предназначались тезисы, установить не удалось.

** Наряду с собственно журнальной публикацией статьи сохранились две рукописи, отражающие постепенное превращение текста «Суть инакомыслия...» в текст «Возможна ли...». См.: [13].

Поражение попытки вызвать содержательную дискуссию

В марте 1966 года статью публикует журнал «Вопросы философии». В окончательном варианте в названии статьи «антропология» меняется на «приматологию», а из текста убирается слово «инакомыслие», начинающее вызывать в советском обществе совсем уж неуместные, с точки зрения задач статьи, политические ассоциации. И только спустя еще два года (1968) выходит из печати третий том «Трудов VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», который включает сообщение Б.Ф. Поршнева, послужившее одним из этапов подготовки статьи. В том же (1968) году в Алма-Ате, в четырех номерах журнала «Простор» выходит повесть Б.Ф. Поршнева «Борьба за троглодитов», где он вынужден признать поражение очередной своей попытки вызвать содержательную дискуссию: *«Мы ошиблись. Ни одной реплики, никакой дискуссии. Впрочем одна реплика в печати последовала. В книжке-комиксе Н. Эйдельмана “Ищу предка” (М., 1967) в конце торчит явно инспирированная стрела: “любители” зря, мол, поучают профессионалов, как надлежит побыстрее организовать “революцию в приматологии” (стр. 241)... А ведь я, кстати, призывал ученых иного направления не делать революцию, а высказать, не скрывать свои возражения мне, так как ни я, ни публика, ни Н. Эйдельман их не знаем. Как ни обзывай противника, это не заменит возражения»* [14].

«Недостававшее звено»

Вскоре после статьи «Возможна ли...» Б.Ф. Поршнев пишет (1966) статью «Недостающее звено» и тут же исправляет ее название на «Недостававшее звено» [15]: проблема ведь им уже решена! Статья не была опубликована. Вслед за ней он пишет и упоминавшийся выше доклад памяти Джини...

Однако статья «Возможна ли...» примечательна и в содержательном отношении — как яркий след недолгого наваждения, едва не стоившего Б.Ф. Поршневу серьезной ошибки и обязанного своим появлением открытию живых реликтовых палеоантропов — троглодитов.

«Две инверсии» в антропогенезе

Выше уже говорилось о чрезвычайно важном для Б.Ф. Поршнева методологическом принципе «двух инверсий». В книге «О начале...» он формулируется так: *«В начале истории все в человеческой натуре было наоборот, чем сейчас... ход истории представлял собой перевертывание исходного состояния. А этому последней предшествовала и к нему привела другая инверсия: “перевертывание” животной природы в такую, с какой люди начали историю»* [16].

В докладе-презентации о предыстории второй сигнальной системы (1956), по существу, были обозначены те же две инверсии: *«В процессе антропогенеза совершился переход от высшей нервной деятельности древних антропоморфных обезьян не к психике современного человека, а к качественно отличной от нее психике первобытного человека»* [17].

Однако в брошюре «От высших животных...» (1964) Б.Ф. Поршнев указывает две совсем другие инверсии: *«Предлюди с их очень специфическим, очень своеобразным местом в природе были поистине переходными существами между обезьяной и человеком. И это надо понимать не в том смысле, что у них как бы смешаны свойства и животных, и людей. Нет, по образу жизни и поведению в природе они глубоко отличались от всех других животных, однако еще вовсе не тем, чем отличается от животных человек. Предлюди противоположны всем другим животным, но противоположны и человеку»* [18].

При сохранении принципа двух инверсий изменение их содержания

Приходится сделать вывод, что, хотя сам принцип двух инверсий сохраняется неизменным, представление Б.Ф. Поршнева о конкретном содержании этих инверсий дважды изменилось: первый раз в промежуток между 1956 и 1964 годами, второй раз — между 1964 и 1972 годами. Вначале в качестве среднего звена в последовательности двух инверсий выделяется «особый человек» (ранний, первобытный), затем — «особое животное» (позднее, ближайший предок человека) и, наконец, снова — «особый человек». Возникает два вопроса: во-первых, что послужило причиной (или поводом) для изменения поршневских взглядов, и, во-вторых, насколько изменились представления Б.Ф. Поршнева об «особом (раннем, первобытном) человеке» к моменту его возвращения к исходным представлениям о двух инверсиях.

«Промежуточное звено» в эволюции

Несложно догадаться, что пристальное внимание к «особому животному» появилось после того, как Б.Ф. Поршнев «заметил» троглодита и стал им заниматься. Он нередко отмечает такие особенности троглодита (реликтового палеоантропа), которые позволяют называть его «небывалым животным» [19], связанным с остальным животным миром «как ни одно животное кроме него» [20], «получеловеком-полуживотным» [21]. Именно занимаясь троглодитом, Б.Ф. Поршнев обратил внимание на догадку ранних дарвинистов, прежде всего, Э. Геккеля и К. Фогта: в биологической эволюции между обезьяной и человеком существовало особое

промежуточное звено — «обезьяночеловек». В 1964 году в статье «Суть инакомыслия...», как уже сказано, Б.Ф. Поршнев впервые обратился к проблеме «недостающего звена»: *«Для Дарвина и всех без исключения его непосредственных последователей и учеников слова “человек произошел от обезьяны” таили два подразумеваемых дополнения; во-первых, не от того вида обезьян, который живет сейчас где-либо на Земле, во-вторых, не непосредственно от обезьяны, а через неизвестное пока науке “недостающее звено”. Нигде и никогда Дарвин и ранние дарвинисты не утверждали, что на эволюционной лестнице после ступени “обезьяна” прямо и непосредственно следует ступень “человек”»* [22].

Надо вспомнить, что в докладе-презентации 1956 года, подчеркивая качественное отличие между психикой современного человека и психикой первобытного человека, Б.Ф. Поршнев пишет (в приведенной выше цитате) о переходе к последней «от высшей нервной деятельности древних антропоморфных обезьян», а вовсе не от «промежуточного звена».

В статье «Суть инакомыслия...» Б.Ф. Поршнев пишет и о 100-летних исследованиях этого «промежуточного звена»: *«...столетний труд антропологов и археологов доказал то, чего они ни за что на свете не хотят признать: человек произошел не прямо от обезьяны. Между ископаемыми высшими обезьянами (типа дриопитека, рамапитека, проконсула) и человеком современного физического типа, то есть человеком в собственном и единственном смысле слова, расположена группа особых животных, прямоходящих приматов; высшие из них по строению тела, в том числе и мозга, в огромной степени похожи на человека»* [23].

Все эти рассуждения без изменений вошли и в статью «Возможна ли...» [24]. В книге «О начале...» Б.Ф. Поршнев посвящает «промежуточному звену» целую главу — главу вторую «Идея обезьяночеловека на протяжении ста лет».

Между условно-рефлекторной деятельностью и логическим мышлением

Почти одновременно с вниманием к «недостающему звену» в зоологической эволюции Б.Ф. Поршнев обращает внимание на важность и другого «недостающего звена»: промежуточного уровня (или даже уровней) между условно-рефлекторной деятельностью животных и логическим мышлением человека. Эта «трехуровневая схема» превращения «предметного мышления» животного в логическое мышление человека в точности соответствует первой модели двух инверсий и,

как выше показано, была намечена уже в докладе-презентации 1956 года. Однако в том докладе специально обсуждается лишь переход от второго (т.е. собственно «промежуточного») уровня к третьему. Теперь же, в 1965 году (в работе «Генетическая логика»), Б.Ф. Поршнев обратил внимание уже на всю «трехуровневую» систему в целом.

И Б.Ф. Поршнев поддался наваждению напрашивающегося совмещения двух этих схем — «трехзвенной» и «трехуровневой», из чего неминуемо следовал ошибочный вывод: «промежуточный уровень» как раз и соответствует «недостающему звену». А значит, исходная модель двух инверсий должна быть пересмотрена. Эта роковая ошибка отчетливо видна в нескольких работах 1964 – 1966 годов. Брошюра «От высших животных...» уже цитировалась; в упомянутых «тезисах фиксированного выступления», специально посвященных проблеме «промежуточных уровней», Б.Ф. Поршнев пишет: *«К сожалению, современная антропология пока совершенно не склонна рассматривать психофизиологию низших гоминид (архантропов, палеоантропов), как особое качество. “Формирующихся людей” трактуют либо как обладающих всеми основными признаками человеческого сознания, либо как смесь в той или иной пропорции животного и человеческого начала. Между тем представляется вероятным, что их высшей нервной деятельности присущи принципиальные качественные особенности... Если в недрах психической деятельности современного человека (оставляя в стороне надежду на возможность прямого изучения [очевидный намек на живого троглодита. — О.В.] удастся выделить и подвергнуть анализу комплекс специфических явлений высшей нервной деятельности, несвойственной никаким другим животным, это будет огромным шагом в разработке генетической психологии и генетической логики, ведущим к познанию генезиса сознания и логики современного человека» [25].*

Ошибочность трактовки модели двух инверсий

Но наиболее ярко и однозначно ошибочная трактовка модели двух инверсий выражена в книге «Социальная психология...». Излагая свои выводы из рассуждений А.Н. Колмогорова о промежуточных уровнях, Б.Ф. Поршнев пишет: *«Между высшей нервной деятельностью обезьяны и рациональным мышлением современного человека лежало нечто»,* восходящее «к особенностям высшей нервной деятельности тех видов живых существ, называемых гоминидами, которые в филогении стоят как раз между обезьянами и совре-

менным человеком, в особенности же среди них, — так называемых неандертальцев (палеоантропов)» [26].

И буквально через абзац после приведенных слов Б.Ф. Поршнева обращается к топографической модели З. Фрейда. При этом, Б.Ф. Поршнева хотя и отождествил фрейдовское бессознательное с эволюционным уровнем палеоантропа, т.е. с уровнем, промежуточным между «высшей нервной деятельностью обезьяны и рациональным мышлением современного человека», однако само содержание этого промежуточного уровня («валлонновские пары») относит к предсознательному, т.е. к уровню ранних людей, а вовсе не к уровню палеоантропов.

Взаимоисключающие модели двух инверсий

То же наваждение водило пером Б.Ф. Поршнева, когда он готовил к публикации статью «Возможна ли...», в которой на расстоянии менее страницы друг от друга мирно уживаются обе альтернативные, если не сказать, взаимоисключающие модели двух инверсий: «Все поиски зоопсихологами элементарной однозначной грани между обезьяной и человеком, которая сводилась бы к прямому количественному или качественному переходу на следующий уровень, не увенчались успехом. Скорее эта грань приобретает все более осязаемую широту. И вот на смену неподтверждающейся гипотезе понемногу пробивается другая, по духу своему более дарвинистская: о существовании промежуточных уровней между условно-рефлекторной деятельностью животных и мыслительными функциями человека» [27].

«Между обезьяной и человеком лежит нечто третье... Оно есть особое качество, в известном смысле противоположное биологии обезьян, хотя все еще остающееся в рамках биологической формы движения материи, ее крайней случай, как бы биологический парадокс. Быстрое развитие в четвертичную эпоху... этого явления привело и к его отрицанию — появлению человека» [28].

Б.Ф. Поршнева еще не вполне осознал ошибку, к которой ведет совмещение двух схем — «трехзвенной» и «трехуровневой». Впрочем, определенную осторожность Б.Ф. Поршнева уже проявляет: если двумя годами ранее в брошюре «От высших животных...» Б.Ф. Поршнева пишет о «противоположности» обезьяночеловека всем остальным животным, теперь к слову «противоположность» он все-таки добавляет оговорку — «в известном смысле»...

Забегая вперед, следует отметить слова «грань приобретает все более осязаемую широту»: через год именно эта идея станет важнейшим элементом возвращения к исходным представлениям о двух инверсиях...

Возвращение к исходной модели двух инверсий

В книге «О начале...» Б.Ф. Поршнев безоговорочно возвращается к исходной модели двух инверсий: повторяет из статьи 1966 года слова про «особых животных», но слов из того же предложения про их «противоположность» остальным животным уже не повторяет — даже с оговорками [29]; специально подчеркивает: *«Все эти... обезьянолюди ничуть не обезьяны и ничуть не люди. Они животные, но они не обезьяны»* [30]. Б.Ф. Поршнев открыто присоединяется к выразительным определениям Геккеля («обезьяночеловек неговорящий») и Фохта («телом — человек, умом — обезьяна»), уточняя: *«Сто лет спустя, мы, пожалуй, сказали бы это другими словами: морфологически — человек, по физиологии же высшей нервной деятельности — на уровне первой сигнальной системы»* [31]. Наваждение исчезло. В книге Б.Ф. Поршнев понижает, если можно так выразиться, таксономический ранг отличия обезьянолюдей от остальных животных, уже не придает ему значения первой инверсии.

Итак, Б.Ф. Поршнев вернулся к исходной последовательности двух инверсий. Как это произошло? Что избавило Б.Ф. Поршнева от наваждения?

В сентябре 1967 года Б.Ф. Поршнев выступает в Московском обществе психологов с докладом «Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии», на основе которого подготавливает к публикации одноименную статью (выходит в мае 1968 года), а затем (в сентябре 1968 года) излагает основные положения статьи на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио. Названная статья не только совпадает по предмету с докладом-презентацией 1956 года, она фактически является отчетом о десятилетней работе по выполнению «технического задания» на исследования в области физиологии высшей нервной деятельности и психологии, представленном в докладе-презентации. В статье-отчете все результаты исследований 1963–1966 годов по отдельным аспектам антропогенеза были сведены в единую систему, причем сделано это было с привлечением нового социально-психологического инструментария.

Эта статья-отчет — единственная из опубликованных работ Б.Ф. Поршнева, посвященных комплексу проблем начала человеческой истории, которую он сам назвал «обобщающей» [32]. По воспоминаниям Нонны Федоровны Кучеренко*, с публикацией этой работы бы-

Размышления о третьей докторской диссертации — по психологии

* Устное сообщение г-жи Н.Ф. Кучеренко автору настоящего очерка (март 2005 года). Нонна Федоровна — вдова Геннадия Семеновича Кучеренко (1932–1997), любимого ученика Б.Ф. Поршнева.

ли связаны размышления Б.Ф. Поршнева и о защите третьей докторской диссертации – по психологии. Ее содержание позволяет сделать вывод: решающие сдвиги в физиолого-психологическом и социально-психологическом понимании Б.Ф. Поршневым антропогенеза, в интеграции этих его аспектов, проявившейся и в переходе на единую терминологию, произошли в течение очень короткого времени — в 1967–1968 годы. Эти сдвиги и обусловили повторное выдвигание «особого (раннего, первобытного) человека» в качестве среднего звена в последовательности двух инверсий. Именно в 1967 году Б.Ф. Поршневым вновь обратился к прозрениям Р.Декарта и объявил себя сторонником пропасти, разрыва эволюционной постепенности при переходе от животного к человеку: *«Вот в противовес теологам и получилось, что такой психолог-материалист, марксист, как И. Мейерсон (следуя в этом за одним из основателей марксистской психологии А. Валлоном), относит себя снова к решительным сторонникам “перерыва”. И я открыто присоединился к нему (на семинаре в Париже в 1967 г.). Возврат к концепции перерыва стал насущной потребностью: она по крайней мере ставит кричащую задачу»* [33].

Роль фигуры Р. Декарта

Следует вспомнить, что примерно в это же время Б.Ф. Поршневым параллельно работает над книгой о 30-летней войне, над завершающей частью трилогии, где анализирует среди прочего и причины бегства Р. Декарта из Парижа в 1648 году. Именно фигура Р. Декарта является важнейшим звеном, связывающим два направления творчества Б.Ф. Поршнева — историю и антропологию...

Повышение значения «особого человека»

Б.Ф. Поршневым не мог просто вернуться к прежним представлениям о двух инверсиях: выявленное собственными исследованиями огромное значение троглодита как «особого животного» уже не могло быть ни отброшено, ни даже принижено. Поэтому Б.Ф. Поршневым решительно повышает значение «особого человека», для которого теперь и традиционно понимаемая декартова пропасть уже слишком узка: *«Большая заслуга антрополога В.В. Бунака, а некоторое время спустя специалиста по психологии речи Н.И. Жинкина (ряд устных докладов) состояла в обосновании тезиса, что между сигнализационной деятельностью всех известных нам высших животных до антропоидов включительно и всякой известной нам речевой деятельностью человека лежит эволюционный интервал — hiatus. Однако предполагаемое этими авторами вос-*

полнение интервала лишь возвращает к старому количественному эволюционизму. Ниже... я излагаю альтернативный путь: углубление и расширение этого интервала настолько, чтобы между его краями уложилась целая система, противоположная обоим краям и тем их связывающая» [34].

Необходимость расширения грани между человеком и животным

Идея, впервые высказанная в статье «Возможна ли...», о необходимости расширения грани между человеком и животным получила дальнейшее развитие. Какие же изменения в представлениях Б.Ф. Поршнева о ранних («особых») людях произошли с 1956 года? Что же потребовало «углубления и расширения» декартовой пропасти?

В докладе-презентации 1956 года Б.Ф. Поршнев намечает центральную проблему возникновения второй сигнальной системы, т.е. человеческой речи — трансформацию специфических, не нуждающихся в подкреплении *«интердиктивных (запретительных) предречевых сигналов в смысловую речь»* [35], *«процесс изменения функции речи — от интердиктивной к сигнификативной функции»* [36]. Существование промежуточной стадии — повелительных сигналов — еще не обнаружено, эта стадия едва угадывается в словах Б.Ф. Поршнева о выполняемой речью на определенном этапе *«функции позитивного воздействия»* [37], о превращении интердиктивных сигналов *«в стимулы действия»* [38]. Тут стадия повелительных сигналов еще не вполне отделена от стадии «смысловой речи», т.е. от стадии психики современного человека. Наиболее отчетливо это выражено даже не в тексте подготовленного к печати доклада, а в более раннем тексте тезисов доклада: *«С развитием понятийного мышления и сигнификативной функции речи негативная, тормозящая роль возникающей второй сигнальной системы перерождается в роль позитивную, возбуждающую определенную деятельность»* [39].

Выделение повелительной функции речи

В опубликованной в 1965 году статье «Элементы социальной психологии» Б.Ф. Поршнев говорит о *«становлении интердиктивной (запретительной) и императивной (повелительной) функций речи»* [40], но все еще не проводит различия между последней и собственно смысловой речью. В опубликованной годом позже работе «Генетическая природа сознания...» императивная (повелительная) функция речи также еще не выделена в самостоятельную стадию, о чем свидетельствует, в частности, словосочетание *«императивно-интердиктивные речения»* [41]. Однако уже в статье «Элемен-

ты...» Б.Ф. Поршнев делает первый шаг к выявлению повелительной стадии.

Надо подчеркнуть: шаг к обнаружению важного физиолого-психологического явления он делает в рамках анализа явлений социально-психологических. А именно, Б.Ф. Поршнев вводит понятия «контагиозность» и «негативизм» [42], соответствующие доверию по отношению к «мы», в первом случае, и недоверию по отношению к «они» — во втором. Подразумевается, что контагиозность означает подчинение повелительному сигналу, тогда как негативизм — сопротивление ему, хотя прямо о повелительной функции речи еще не сказано. Но уже в статье-отчете «Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии» он вводит новую терминологию — суггестия и контрсуггестия. Та же терминология использована и в тезисах выступления на III съезде общества психологов «“Они” и “мы” как конститутивный признак психической общности» (1968)*. Еще через год, в статье «Контрсуггестия и история» (написана в 1969 году, опубликована в 1971 году) Б.Ф. Поршнев поясняет, как эти новые термины связаны с прежней терминологией: *«В своей более ранней работе я называл эти два элементарных явления контагиозностью и негативизмом, но предлагаемые теперь термины, вероятно, строже»* [43].

«Строгость терминов»

Сводя изменения к большей «строгости терминов», Б.Ф. Поршнев явно принижает значение произошедшего сдвига в развитии своей социально-психологической концепции. Во-первых, термины 1965 года характеризуют «потенциал», пассивную сторону отношения, тогда как термины 1968 года, напротив, — «действие», активную сторону отношения. Во-вторых, вследствие того, что на передний план вышла активная сторона, «действие», замена термина «контагиозность» на термин «суггестия» ведет и к смене носителя явления: контагиозность есть подчинение кому-то («внушаемость»), осуществляющему повелительную функцию речи, тогда как суггестия есть само осуществление кем-то этой функции повеления («внушение»). Напротив, «негативизм», замененный «контрсуггестией», не меняет носителя явления, но меняет пассивный характер последне-

* Впрочем, одно отличие между двумя названными публикациями 1968 года есть: в статье-отчете используется термин *контрсуггестия*, тогда как в тезисах — *контрсуггестия*. Отсюда можно предположить, что слово, в написании которого используется дефис, принадлежит более раннему по времени написанию тексту.

Открытие суггес-
тивной стадии

го на активный: контрсуггестия — это не просто негативное восприятие чьего-то повеления, это активное сопротивление ему. Поэтому, кстати сказать, Б.Ф. Поршнев в более поздних работах никогда не использует термин «контагиозность», но иногда прибегает к термину «негативизм» [44].

Открытие суггестии, суггестивной стадии или ступени представлялось Б.Ф. Поршневу настолько важным, что он даже решил было (в рукописи статьи-отчета) не на что-нибудь, а на ревизию самого «павловского учения о сигнальных системах»: *«Инфлюативный* этап подготовки второй сигнальной системы охватывает и досемантическую, и сублогическую (суггестивную) ступень. Может быть, было бы удобней только этот этап называть второй сигнальной системой, как явление, вполне противоположное первой сигнальной системе животных. А наши мышление и речь оказались бы, опять-таки по противоположности, уже третьей сигнальной системой. Если у третьей сигнальной системы и есть какое-то подобие с первой, сблизняющее зоопсихологов, кибернетиков, семиотиков, то только потому, что дважды имело место изменение знаков на обратные»* [46].

В журнальной публикации Б.Ф. Поршневу пришлось отказаться от ревизионистских поправлений и переделать три последних предложения, убрав все свидетельства своего покушения на «павловское учение»; одновременно Б.Ф. Поршнев подчеркивает и связь современных речи и мышления с этапом контрсуггестии: *«Этот этап — явление, полностью противоположное первой сигнальной системе животных. Но наши современные мышление и речь, в свою очередь, служат уже иной, контр-суггестивной сигнальной системой. Если у нее и есть какое-то подобие с первой...»* [47].

Междисциплинар-
ность и изменения
терминологии

Следует подчеркнуть важное обстоятельство: сообщая в статье по социальной психологии об изменении терминологии, Б.Ф. Поршнев умолчал о том, что эти изменения формально появились за рамками социальной психологии, а именно — в его исследованиях по физиологии высшей нервной деятельности и психологии. Напротив, в статье-отчете, впервые использующем эту новую терминологию, он подчеркивает ставшее уже нерушимым органичное единство физиолого-психологи-

* Инфлюативным, в отличие от информативного, Б.Ф. Поршнев называет этап, «когда вторая сигнальная система не несла ни отражательной, ни информационной функции, а служила только средством влияния на действия людей — поначалу средством торможения» [45].

ческих и социально-психологических аспектов начала человеческой истории: «... Имитативно-интердиктивная ступень второй сигнальной системы возникла и развилась... у поздних палеоантропов... У “кроманьонцев” (ископаемых неантропов) она перешла в суггестивно-сублогическую ступень, а для современных неантропов (*Homo sapiens recens*) характерна уже контр-суггестивная ступень, т.е. современные речь и мышление. Изложенное ставит дальнейший вопрос: какая пружина заставляла двигаться с этапа на этап намеченное нами развитие второй сигнальной системы? В общем ясно, что это — перемежающиеся реципрокные усилия воздействовать на поведение другого и противодействовать этому воздействию. Однако тем самым мы выходим в новую обширную область — генетической социальной психологии» [48].

«Терминологические уточнения» и сдвиг в развитии понимания начала истории

Рассмотренные «терминологические уточнения» отразили, таким образом, фундаментальный сдвиг в развитии поршневого понимания начала истории: внутри процесса возникновения речи-мышления (он же процесс образования второй сигнальной системы) и была открыта повелительная (суггестивная) ступень, которая теперь обрела свое законное эволюционное место, разделив весь процесс на две половины: 1 – преобразование интердикции в суггестию, составляющее содержание первой инверсии и представленное в книге «О начале...» — средней части задуманной в 1920-е годы трилогии «Критика человеческой истории»; 2 – преобразование суггестии в контрсуггестию, составляющее содержание второй инверсии, а значит, относящееся к последней части этой трилогии. Следовательно, именно в 1967–1968 годы и возник «план трех книг», составляющих трилогию.

Именно этот фундаментальный сдвиг в понимании «начала истории» и рассеял наваждение: исходная модель двух инверсий, обогащенная более глубоким пониманием составляющих ее процессов, вернулась на свое законное место.

Интерпретация топографической модели психического аппарата З. Фрейда

Вне всякого сомнения, успей Б.Ф. Поршнев подготовить переработанное издание «Социальной психологии...», текст книги не оставил бы следов и бывшего наваждения в понимании двух инверсий. Свидетельством чему является статья «Контрсуггестия и история...». И тут возникает интересный вопрос: какова была бы интерпретация топографической модели психического аппарата З. Фрейда, будь она включена в переработанную книгу?

Как уже было отмечено выше, поршневатая интерпретация содержала два вызывающих сомнение утверждения. Во-первых, хотя «промежуточный уровень» между высшей нервной деятельностью животного и мышлением современного человека был отождествлен с «бессознательным», само специфическое психическое содержание этого промежуточного уровня («валлоновские пары», дипластии) — с «предсознательным». Во-вторых, фрейдовская характеристика «бессознательно-го», как раз и соответствующая «валлоновским парам», «антилогике», была приписана Б.Ф. Поршневым «предсознательному».

Обновленное понимание двух инверсий открывало путь к преодолению указанных противоречий: «бессознательное» в онтогенезе соответствует психике раннего человека (господство суггестии, «валлоновские пары», «антилогика») в филогенезе; сознание — психике современного человека (обуздание суггестии контрсуггестией, «растаскивание дипластий», логика). А как же «предсознательное»? Последнее в этом случае занимает место, совпадающее с фрейдовским пониманием: «шлюз», препятствующий прямому, неконтрольному влиянию бессознательного на сознание («антилогики» на логику), т.е. онтогенетическое наследие перехода в филогенезе от стадии суггестии к стадии контрсуггестии.

«Генетическая логика»

На упоминавшейся выше работе Б.Ф. Поршнева «Генетическая логика» теперь следует остановиться особо. Эта работа, как было показано выше, сыграла определенную роль в подготовке решающего сдвига в развитии поршневатой науки о начале человеческой истории в 1967–1968 годы. Вместе с тем «Генетическая логика» имеет и самостоятельное значение как отражение перспективного, хотя и не реализованного творческого замысла. Идея противоположности первобытной «антилогики» и логики, присущей современному мышлению, неизбежно вытекала из давно осознанной противоположности первобытного и современного мышления, к чему он пришел еще в молодости, под влиянием работ Л. Леви-Брюля и Н.Я. Марра. В докладе-презентации Б.Ф. Поршнева пишется об этой сугубо логической проблеме: *«В логике можно ведь увидеть не только науку о законах правильного мышления, но негативным образом и науку о некоторых закономерностях неправильного мышления, против которых логика направлена. Так, логика запрещает отождествлять нетождественные явления и, напротив, запрещает не отождествлять то, что в действительности тождественно. Отсюда,*

очевидно, следует, что первобытная психика поступала именно таким запрещенным ныне образом. Законы нашей логики, как и грамматики, возникли, следовательно, в качестве своего рода “табу”, постепенно и в жестокой борьбе наложенных на древнее функционирование второй сигнальной системы, законом которой было отождествлять нетождественное и, соответственно, не отождествлять тождественное» [49].

Поиск перехода
от первобытной
«антилогики»
к собственно логике

В докладе-презентации Б.Ф. Поршнев предпринимает попытку наметить и процесс перехода, превращения первобытной «антилогики» в собственно логику, охарактеризовать некоторые важные пункты этого перехода. В докладе «Состояние пограничных проблем...» Б.Ф. Поршнев уделяет особое внимание генетическим или, точнее, филогенетическим аспектам всего комплекса наук о человеке. Такой подход позволил ему увидеть филогенетический аспект и в логике как самостоятельной науке. Ведь превращение первобытного мышления (и речи) в современное мышление (и речь) может быть рассмотрено как сугубо логическая проблема, вне физиологии, психологии, лингвистики: как превращение антилогики (или сублогики) в логику. Б.Ф. Поршнев пишет: *«Исследование проблем происхождения языка и мышления людей нуждается в выявлении лингвистикой и логикой простейших элементарных явлений, с которых могло начаться историческое развитие языка и мышления. Действительно, эти простейшие элементы обнаруживаются генетической логикой. Они, по-видимому, свидетельствуют об обманчивости кажущегося на первый взгляд очевидным прямого эволюционного перехода от явлений генерализации в высшей нервной деятельности животных к общим понятиям в мышлении человека»* [50].

Сочтя «узкологический» подход интересным и перспективным, Б.Ф. Поршнев начинает (около 1965 года) работу над рукописью «Генетическая логика». В рукописи он констатирует, что этот филогенетический взгляд на логику требует признать, что между дихотомией, осуществляемой животным, и дихотомией, осуществляемой человеком, существует промежуточный уровень: *«... Между дихотомией, осуществляемой высшей нервной деятельностью животных, и дихотомией формально-логического мышления человека лежит средний уровень действий, которые не являются дихотомией. Ведь наше мышление в процессе познания (в отличие от эстетических и этических действий ума) делит надвое, на истинные — неистинные, не*

объекты, а высказывания, мысли, суждения, где два мыслимых предмета так или иначе соединены, хотя в то же время и различимы. Вот это связывание пар без утраты различия и составляет средний уровень. В отличие от дихотомии назовем его дуопластией. Этот механизм лежит выше механизма условно-рефлекторных связей у животных и составляет необходимую генетическую предпосылку словесно-понятийного мышления современного взрослого человека» [51].

Появления термина «дипластия»

Именно в этой работе впервые появляется новый термин — «дуопластия», которому буквально в считанные месяцы предстоит трансформироваться в «дипластия» и в этом виде представлять одно из фундаментальных понятий поршнева концепции. Уже в статье «Возможна ли...» Б.Ф. Поршнев использует термин «дипластия». В книге «О начале...» Б.Ф. Поршнев пишет о «среднем уровне» умственных операций, прямо заимствуя приведенный фрагмент из «Генетической логики»: «Универсальная операция, с одной стороны, высшей нервной деятельности животных, с другой — формальной логики человека — дихотомия, т.е. деление на «то» и «не то», иначе, на «да» и «нет». Однако в эволюции между тем и другим, несмотря на все их сходство, лежит уровень операций, которые не являются дихотомией и обратны ей: дипластия. Принцип последней тоже бинарный (двоичный), но это не бинарные деления, а бинарные сочетания. Необходимость предположить такой средний уровень станет ясной и кибернетикам, конструирующим машины на двоичном принципе, если они вспомнят, что формальная логика делит надвое не объекты, а истинные и неистинные суждения, каковые могут быть неистинными только потому, что представляют собою сочетание, связывание двух различаемых элементов» [52].

«Антилогика» как промежуточный уровень мышление

Выше уже говорилось, что обнаружив «антилогику» в качестве промежуточного уровня между логикой «предметного мышления» животного и логическим мышлением человека, Б.Ф. Поршнев оставил недописанную рукопись и взялся за специальную литературу. Но и через год в статье «Возможна ли...» Б.Ф. Поршнев намекает, что не теряет надежды вернуться к работе над оставленной рукописью: «Палеонтологические раскопки в человеческом сознании, то есть сфера генетической психологии и генетической логики, — чрезвычайно перспективная научная область» [53].

Затем все внимание захватывает работа над докладом в Московском обществе психологов, над его публи-

кацией (статья-отчет), над подготовкой выступления в Токио. Времени на отдельную работу над рукописью «Генетической логики» нет, но перспективная идея крепко засела в голову. В статье-отчете Б.Ф. Поршнева пишет о необходимости *«экстраполяции некоторых черт концептуально-логического мышления и речевой деятельности до низшего уровня»* и вспоминает свой доклад о «Состоянии пограничных проблем»: *«В 1962 году я назвал соответствующую довольно отвлеченную науку, которая должна быть построена на рубеже логики и психологии, генетической логикой, хотя этот термин употребляют и в других смыслах»* [54].

Сублогика или учение о дипластиях

Необходимость работы над статьей-отчетом не могла помешать Б.Ф. Поршневу размышлять над брошенной рукописью; в свою очередь, эти «логические раздумья», не имея возможности лечь на бумагу с названием «Генетическая логика», все равно прорывались на бумагу, но под другим названием — «Антропогенетические аспекты...»: *«К сожалению, здесь я могу лишь совсем кратко, в виде резюме логических исследований, перечислить некоторые главы этой интересной науки, которую можно было бы также назвать сублогикой или учением о дипластиях»* [55].

Нет необходимости пересказывать здесь содержания намеченных Б.Ф. Поршневым в статье-отчете глав своего «учения о дипластиях» [56]. Все это подробно изложено в конце последнего раздела последней главы книги «О начале...». Завершив в книге изложение темы, Б.Ф. Поршнева пишет: *«Таковы контуры генетической логики. Как мы видели, это был переход к логике, понятиям, счету, категориям от сублогики дипластий, а вместе с тем от чисто суггестивной функции, которую вторая сигнальная система играла в начале человеческой истории, к функции отражения предметной среды»* [57].

«Логические исследования» Б.Ф. Поршнева позволяют взглянуть и на его собственную научную работу под углом зрения исследованного им филогенеза человеческого логического мышления как такового. Присутывая к исследованию начала человеческой истории, Б.Ф. Поршнева исходил из необходимости не поддаваться соблазну очевидности, сколь бы научнообразной эта очевидность ни выглядела. Научный — «вопреки очевидности» — анализ становления логического мышления, в свою очередь, привел его к объяснению занятой им исходной позиции, к обоснованию ее правильности: *«Субъективно всякому акту познания истины сопут-*

ствует некое отречение, некое “оказывается”: оказывается, прежнее представление было неверным» [58].

(Продолжение следует)

1. *Поршнев Б.Ф.* Современное состояние вопроса о реликтовых гоминоидах. М., 1963. С. 364.

2. *Милейковский А.Г., Бомкин В.И.* Йозеф Шумпетер и его «Теория экономического развития» (Вступительная статья) // Й. Шумпетер. Теория экономического развития. М., 1982. С. 34.

3. *Поршнев Б.Ф.* [Вопросы высшей нервной деятельности и антропогенез. Выступление] // Философские аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии: Материалы совещания. М., 1963. С. 587; *Поршнев Б.Ф.* От высших животных к человеку: Рукопись (машинка) / Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 87.

4. *Павлов И.П.* Экспериментальная психология и психопатология на животных // И.П. Павлов. Полное собрание сочинений. Издание 2-е, дополненное. Т. III, кн. 1. М.; Л., 1951. С. 23–39.

5. См.: *Поршнев Б.Ф.* Неадекватные рефлексy у животных и принцип доминанты (краткий конспект статьи): Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/23/14, л. 1–4.

6. *Поршнев Б.Ф.* Генетическая логика. Рукопись (автограф), ОР РГБ, 684/23/23, л. 2.

7. *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // «Проспектор». Алма-Ата, 1968, № 5. С. 84.

8. *Нестурх М.Ф.* Рецензия. На рукопись доктора исторических наук Б.Ф. Поршнева «От высших животных – к человеку» / Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 1. Рецензия написана летом 1964 г.

9. *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // «Проспектор». Алма-Ата, 1968. №7. С. 124.

10. *Поршнев Б.Ф.* Суть инакомыслия в антропологии. Рукопись (машинка). См.: ОР РГБ, 684/24/15, л. 1–19.

11. *Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. Chicago, 1962. Русский перевод появился уже после смерти Б.Ф. Поршнева: *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1975.

12. *Колмогоров А.Н.* Автоматы и жизнь // Возможное и невозможное в кибернетике. М., 1963. С. 10–29; *Колмогоров А.Н.* Жизнь и мышление как особые формы

существования материи // О сущности жизни. М., 1964. С. 48–57.

13. ОР РГБ, 684/24/5, л. 1–24 (более поздняя версия); л. 25–51 (более ранняя версия).

14. *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // «Простор». Алма-Ата, 1968. №7. С. 124.

15. *Поршнев Б.Ф.* Недостававшее звено: Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/24/14, л. 1.

16. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 17.

17. *Поршнев Б.Ф.* Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики) / Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 19.

18. *Поршнев Б.Ф.* От высших животных к человеку / Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 49.

19. *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // «Простор». Алма-Ата, 1968. №5. С. 76.

20. Там же. С. 85.

21. *Поршнев Б.Ф.* Борьба за троглодитов // «Простор». Алма-Ата, 1968. № 4. С. 112.

22. *Поршнев Б.Ф.* Суть инакомыслия в антропологии: Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/24/15, л. 3.

23. Там же. Л. 4–5.

24. *Поршнев Б.Ф.* Возможна ли сейчас научная революция в приматологии? // Вопросы философии. 1966. №3. С. 111–112.

25. *Поршнев Б.Ф.* Промежуточные уровни между условно-рефлекторной деятельностью животных и высшими мыслительными функциями человека (тезисы фиксированного выступления): Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/23/20, л. 3.

26. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. М., 1979. С. 203.

27. *Поршнев Б.Ф.* Возможна ли сейчас научная революция в приматологии? // Вопросы философии. 1966. № 3. С. 109.

28. Там же. С. 110.

29. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. 102.

30. Там же. С. 106.

31. Там же. С. 75.

32. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971. С. 15 (примечание).

33. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 52–53.

34. Там же. С. 128–129. Приведенная цитата повторяет с небольшой редакционной правкой слова из рассматриваемой статьи: *Поршнев Б.Ф.* Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии // Вопросы психологии. 1968. № 5. С. 19.

35. *Поршнев Б.Ф.* Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики). С. 65: Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой.

36. *Поршнев Б.Ф.* Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики): Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 86.

37. Там же. С. 65.

38. Там же. С. 88.

39. *Поршнев Б.Ф.* Некоторые проблемы предистории второй сигнальной системы (тезисы доклада): Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/24/1, л. 2.

40. *Поршнев Б.Ф.* Элементы социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 186.

41. *Поршнев Б.Ф.* Генетическая природа сознания (интердиктивная функция речи) // Проблемы сознания: Материалы симпозиума. М., 1966. С. 30.

42. *Поршнев Б.Ф.* Элементы социальной психологии // Проблемы общественной психологии. М., 1965. С. 177.

43. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971. С. 13–14.

44. Там же. С. 17; *Поршнев Б.Ф.* Успехи и трудности социальной психологии: Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/25/10, л. 16. Поскольку 2-е издание «Социальной психологии и истории» в 1979 г. лишь восстановило полный авторский текст 1966 года, то в нем сохранилась и устаревшая к тому времени терминология – контагиозность и негативизм.

45. *Поршнев Б.Ф.* Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии // Вопросы психологии. 1968. № 5. С. 22.

46. *Поршнев Б.Ф.* Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии: Рукопись (машинка), ОР РГБ, 684/23/13, л. 23.

47. *Поршнев Б.Ф.* Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии // Вопросы психологии. 1968. № 5. С. 29.
48. Там же. С. 29–30.
49. *Поршнев Б.Ф.* Проблемы палеопсихологии (Философские проблемы изучения древнейшей стадии человеческой психики): Рукопись (машинка), личный архив А.И. Бурцевой. С. 42.
50. *Поршнев Б.Ф.* Состояние пограничных проблем биологических и общественно-исторических наук // Вопросы философии. 1962. № 5. С. 128.
51. *Поршнев Б.Ф.* Генетическая логика: Рукопись (автограф), ОР РГБ, 684/23/23, л. 1.
52. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 470.
53. *Поршнев Б.Ф.* Возможна ли сейчас научная революция в приматологии? // Вопросы философии. 1966. № 3. С. 110.
54. *Поршнев Б.Ф.* Антропогенетические аспекты физиологии высшей нервной деятельности и психологии // Вопросы психологии. 1968. № 5. С. 25.
55. Там же. С. 27.
56. Там же. С. 27–28.
57. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М., 1974. С. 483.
58. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // История и психология. М., 1971. С. 33.
-